

Глава 21. Четыре непутёвых ученика в Зале Вечного блаженства

Двумя днями позже Сун Цимин поспешил вернуться назад, но в Зал Вечного блаженства так и не попал. По пути его перехватил Лу Чэнхуа и затащил на скромный, но устроенный с особой заботой обед. Лу Чэнхуа задумал сосватать его, устроив смотрины на самой вершине Горы Пяти пиков. Как обмолвился старший брат, избранницей должна была стать Чэн Инь, одна из послушниц ордена Путо.

Самой Чэн Инь Цимин не знал, хотя и слышал краем уха, что девы из ордена Путо славятся редкой красотой. Эта мысль пробудила в нём лёгкое любопытство. Он терпеливо прождал на вершине какое-то время, прежде чем на тропинке показался девичий силуэт — гостя явно не спешила.

Обменявшись вежливыми поклонами, они уселись друг против друга и завели неспешную беседу. Сун Цимин предупредительно налил девушке чаю и непринуждённо взял на себя роль ведущего в разговоре. Его мягкие, покровительственные манеры лишь сильнее смутили робкую Чэн Инь. Она потупилась и тихо произнесла:

— Я давно наслышана о вашей мудрости и доблести, господин Цимин. Признаться честно, на днях я случайно услышала от старшей сестры о том, что приключилось с вами в Несокрушимом городе. Говорят... между вами и Тан Юйцзином вышла какая-то размолвка?

— Ну, размолвкой это вряд ли можно назвать, — мягко улыбнулся Сун Цимин.

"Вряд ли. Скорее, заурядной попыткой избавиться от свидетелей"

— Вот и славно, — с облегчением вздохнула Чэн Инь. — Я лишь беспокоилась, как бы на вас не ополчился орден Тан. В наше беспокойное время всё так зыбко, даже Гора Белой Яшмы...

Она осеклась, не решаясь продолжать. Взглянув на мягкое, спокойное лицо Сун Цимина, девушка почувствовала, как сердце её испуганно затрепетало. Справиться с волнением было не под силу — шутка ли, перед ней сидел сам бессмертный Цимин!

На покрытом красным лаком подносе красовались три тарелки с изящными сладостями. Сун Цимин взял одну штучку, попробовал и сразу понял: дело рук его пятой младшей сестры. Он мысленно усмехнулся собственной участи. В прошлой жизни родители прожужжали ему все уши разговорами о женитьбе, но кто бы мог подумать, что и в этом мире ему не укрыться от навязчивого сватовства.

Всю первую половину дня он провёл в обществе Чэн Инь. В конце концов, она была почётной гостьей ордена Цисинь. Её прислали сюда постигать священные каноны и даосские истины, а скромный обед на вершине горы являлся лишь приятным, хоть и второстепенным дополнением к её обучению.

После полудня повеяло прохладой. Они неторопливо прогуливались по дорожке, когда до их слуха донёлся размеренный гул голосов из расположенной неподалёку ученической обители — юноши и девы хором зачитывали строки из «Книги песен». Любопытство Чэн Инь взяло верх, и она робко поинтересовалась, каков из себя здешний класс. Сун Цимин охотно вызвался её проводить и подвёл к высоким дверям, выкрашенным багряной краской.

Внутри всё оставалось по-прежнему. Старец Кун, как всегда утомляя всех своим занудством, увлечённо растолковывал скрытый смысл поэтических строк. Ученики сидели бледные и сонные, а бедный лис Цао Юэпу и вовсе впал в подобие транса, мысленно покинув собственное тело под монотонный бубнёж наставника.

Глядя на эту несчастную, полусонную мордочку, Сун Цимин едва сдержал улыбку.

Переведя взгляд к окну, он заметил Шэнь Цзибая. Сяо Бай, как и всегда, слушал с предельным вниманием — к любому делу этот мальчик подходил с полной серьёзностью. Едва вернувшись в орден, Сун Цимин уже успел наслушаться восторгов от второго старшего брата. Тот так и сыпал похвалами, уверяя, что Цзибай обошёл в учёбе абсолютно всех и что этот юноша — истинный самородок.

А ведь заслужить одобрение Лу Цинцина было задачей почти невыполнимой.

Шёл второй месяц зимы, и пронизывающий ветер щипал кожу. Вернувшись наконец в Зал Вечного блаженства, Сун Цимин устроился на залитой скупым солнцем веранде возле библиотеки. Не успел он подремать и получаса, как со двора донеслись торопливые шаги и звонкий крик одного из младших адептов:

— Третий шишу! Третий шишу, вы здесь?!

Сун Цимину пришлось нехотя подняться и сесть.

— Чего тебе? — отозвался он.

Ученик почтительно склонился в поклоне:

— Третий шишу, снег повалил! Пятая шигу велела позвать вас к Прудку Нефритовой бессмертной — полюбоваться снегопадом да выпить чаю. Шэнь-диди с остальными как раз освободились после занятия, их тоже позвали. Стол накрыт, только вас и ждут!

Сун Цимин лениво подтянул колени к груди и вздохнул:

— Ступай. Сейчас буду.

Вокруг Пруда Нефритовой бессмертной раскинулось несколько изящных павильонов. Не успели Шэнь Цзибай и его товарищи занять свои места, как Цзян Шэюэ принялась увлечённо расписывать им утреннее сватовство Сун Цимина. Живее всех, как и следовало ожидать, отреагировал Цао Юэпу:

— И из чьих же она будет? Хороша собой?

Цзян Шэюэ с тёплой улыбкой посмотрела на сидевшую рядом гостью:

— Первая красавица, уж поверь мне.

Чэн Инь никак не ожидала, что станет главной темой для обсуждения, и от смущения поперхнулась чаем, мелко закашлявшись. Её старшая соученица лишь сокрушённо покачала головой и тихонько подтолкнула её локтем:

— Ну надо же, дитя, умудрилась чаем подавиться на ровном месте.

В этот момент в павильон вошёл Сун Цимин. Вежливо поприветствовав собравшихся заклинателей, он опустил на свободное место прямо подле Чэн Инь. Заметив, как та вмиг зажалась и опустила плечи, он негромко произнёс:

— Молодая госпожа Чэн, не стоит робеть. Здесь все свои, люди они добрые.

Девушка поспешно, мелко закивала, уставившись в свою чашку:

— Б-благодарю вас, господин Цимин...

Впрочем, любому со стороны было ясно, что смущали её вовсе не чужие люди, а близость самого Сун Цимина.

По обрывкам фраз остальные быстро сообразили, что сидящая перед ними гостья и есть та самая невеста, с которой их наставнику устроили смотрины. Цао Юэпу густо покраснел до самых кончиков ушей, горько пожалев о своей несдержанности — не стоило молоть языком при посторонних.

Шэнь Цзибай всё это время хранил мрачное молчание. Время от времени он бросал косые взгляды то на наставника, то на Чэн Инь. Поначалу он уверял себя, что просто присматривается к девушке, желая оценить, достойна ли она его учителя. Но стоило ему увидеть, как Сун Цимин ласково и открыто ей улыбнулся, как внутри у него что-то болезненно сжалось.

Его охватила горькая зависть и обида. Он сидел неподвижно, напряжённо выпрямив спину, и

злился на то, что Сун Цимин с самого своего прихода ни разу даже не взглянул в его сторону.

"Почему он смотрит только на неё? Разве я... невидим?"

Это было глупо и совершенно ему не свойственно. Он не должен был так ревновать.

Скрывая досаду, Цзибай сделал несколько крупных глотков остывшего чая. В этот момент подошедший слуга потянулся с тяжёлым чайником, чтобы подлить кипятка Чэн Инь. Пальцы его дрогнули, фарфор выскользнул из рук, и крутой кипяток широкой струёй плеснул на стол. Горячая вода ошпарила ладонь Чэн Инь и задела сидевшего рядом Цзибая.

Девушка вскрикнула от боли, хватаясь за обожжённое запястье. Она расплакалась. Сидевшая напротив соученица тут же подскочила к ней:

— Чэн Инь! Боги, покажи руку!

Перепуганный виновник так и застыл с пустыми руками, лепеча извинения:

— Простите! Простите, это моя оплошность!..

Сун Цимин среагировал мгновенно. Перехватив руку Чэн Инь, он мягко применил ледяное заклинание, окутав ожог тонкой морозной дымкой, чтобы унять жар. Девушка облегчённо выдохнула.

— Простите за недосмотр моего ученика, — искренне произнёс Сун Цимин. — У меня есть мазь золотой росы, она быстро снимет воспаление. Я...

Он осёкся, сообразив, что наносить мазь девице собственноручно было бы верхом неблаговоспитанности, и протянул драгоценный флакон её спутнице.

— Пожалуй, мне негоже касаться молодой госпожи. Сделайте это сами, прошу вас.

Боль утихла, и Чэн Инь, слегка порозовев, поспешила успокоить хозяев:

— Благодарю вас, господин Цимин. Это пустяки, обычный ожог. Я сама виновата — неловко повернулась, не стоит винить юношу.

Вскоре Цзян Шэюэ увела пострадавших девушек в жилые покои, чтобы как следует обработать рану.

Проводив их взглядом, Сун Цимин повернулся к Цзибаю. Мальчик сидел всё так же

неподвижно, с абсолютно непроницаемым лицом, словно брызги кипятка пролетели мимо него. Однако Цимин слишком хорошо знал скрытый нрав своего ученика — Сяо Бай никогда бы не признался, что ему больно, даже если бы обварился с ног до головы.

Допив чай, Сун Цимин неторопливо поднялся из-за стола и жестом подозвал к себе четверых своих воспитанников:

— Возвращаемся в замок. Соберите вещи и идите за мной.

По дороге к Залу Вечного блаженства Цао Юэпу принялся уныло ворчать на разыгравшуюся метель и несносную стужу. Лю Цзуван удивлённо хмыкнул:

— Нашёл на что жаловаться. Когда падает снег, всегда становится теплее. К тому же ты лис, у тебя шкура тёплая, с чего бы тебе мёрзнуть?

Юэпу посинел от холода и судорожно обхватил себя руками, задрожав всем телом:

— Попробовал бы ты сам побегать в шкуре! Я вырос на Холме могильных духов, там круглый год тепло, как весной. Здешние морозы мне не по зубам!

Сун Цимин взглянул на свинцовое небо. Окрестные пики, крыши павильонов и мощёные дорожки уже скрылись под пушистым белым ковром, весело поскрипывавшим под ногами. Сняв с плеч тяжёлый чёрный плащ, он накинул его прямо на голову дрожащему лису:

— На, укутайся пока, горе луковое.

Лю Цзуван лишь вздохнул:

— Учитель, вы его слишком балуете. Ему бы не помешало закалить тело.

— Сам и закаляйся! — огрызнулся Цао Юэпу, плотнее запахивая тёплый плащ.

— А тебе, А-Си, совсем не холодно? — с улыбкой спросил Сун Цимин, обращаясь к ученику по домашнему имени.

Сам Цзуван когда-то долго ворчал по этому поводу, искренне недоумевая, какому родителю придёт в голову назвать своего ребёнка столь невзрачным прозвищем — «Четвёртый».

— Ничуть, — бодро ответил Лю Цзуван. — По сравнению с городом Надо здешняя зима — сушая ерунда. Там в морозы выплеснутый из пиалы кипяток замерзает прямо в воздухе, не успев долететь до земли!

У Юэпу от ужаса округлились глаза:

— Решено, в Надо я ни ногой.

Сун Цимин неспешно вышагивал впереди, заложив руки за спину. Чуть погодя он как бы невзначай спросил:

— Ну а теперь колитесь: пока меня не было, вы ведь не натворили глупостей?

Цао Юэпу тут же отвёл взгляд, уставившись на заснеженные ветви придорожных кустов:

— Да каких там глупостей... Так, сущие пустяки.

Переговариваясь, они незаметно дошли до ворот Зала Вечного блаженства. Все переступали порог с весёлым гомоном, и лишь Шэнь Цзибай плёлся позади, погружённый в свои невесёлые думы. Он настолько ушёл в себя, что даже не заметил массивную опорную колонну прямо перед носом. Он едва не врезался в неё со всего маху, но в последнее мгновение Сун Цимин мягко положил ладонь ему на лоб, преграждая путь:

— Сяо Бай, гляди под ноги. Ещё шаг — и лоб расшибёшь.

Цзибай вздрогнул, мгновенно выныривая из своих мыслей, и торопливо поклонился:

— Учитель.

— Наконец-то ты меня заметил, — беззлобно усмехнулся Сун Цимин. — А я уж думал, ты меня за пустое место держишь.

В душе Цзибая вновь шевельнулась глухая обида — учитель ведь так и не спросил, как его успехи в учёбе, о которых трезвонил весь орден. Подавив вздох, он сухо произнёс:

— Учитель отсутствовал несколько дней. Надеюсь, ваше путешествие обошлось без происшествий?

— Вполне, — Сун Цимин устало потёр шею. На лице его промелькнула тень утомления.

Поездка в Ичэн выдалась не из лёгких: город наводнили ищейки наследного принца И Хуа, и Цимину лишь чудом удалось ускользнуть от их бдительного взора, не выдав себя.

Цзибай преданно взглянул на уставшего учителя:

— Вам стоит как следует отдохнуть в своих покоях.

Тронутый неожиданной заботой мальчика, Сун Цимин ласково взъерошил ему волосы:

— Сперва загляни ко мне в кабинет. Разговор есть.

В библиотеке царил привычный творческий беспорядок: горы древних свитков и трактатов громоздились прямо на полу, а в углах сиротливо пылились совсем свежие, едва распакованные фолианты — у хозяина давно не доходили руки до уборки. Опустившись на циновку, Сун Цимин придвинул к себе низкий столик и сделал приглашающий жест:

— Садись напротив.

Цзибай замялся на пороге, внезапно густо покраснев:

— Зачем?..

Не обратив внимания на его смущение, Сун Цимин зашуршал мешочком Цянькунь и извлёк на свет склянку с мазью от ожогов:

— На пруду тебя ведь тоже обварило кипятком, разве нет? Иди сюда, покажи руку.

Мальчик опешил, растерянно моргнув:

— Я сам справлюсь, не стоит...

Сун Цимин пристально посмотрел на него, и голос его прозвучал неожиданно властно, не терпя возражений:

— Подойди ко мне. Живо.

Смирившись, Цзибай опустил голову и послушно опустился перед ним на колени. Сун Цимин бережно взял его за тонкое запястье и осторожно закатал широкий рукав правого предплечья. На бледной коже красовалось уродливое багровое пятно ожога.

— И как тебя понимать? — тихо спросил Сун Цимин, нахмурившись. — Руку раздуло, а ты сидел молча, словно ничего не случилось.

Учитель впервые отчитывал его из-за подобной ерунды. Цзибай упрямо поджал губы:

— Пустяки, обычная царапина. Заживёт быстро.

— Царапина?! — Сун Цимин бережно коснулся обожжённой кожи, на которой уже начали набухать водянистые волдыри, и в сердцах покачал головой. — Ты меня в могилу свести решил? Несколько дней без присмотра остался — и уже строишь из себя великомученика! Хоть бы пискнул ради приличия.

— Но ведь вы сами учили меня сохранять хладнокровие в любой ситуации, — тихо возразил Цзибай, уставившись на свои колени. — Вот я и подумал, что негоже поднимать шум из-за такой мелочи.

Сун Цимин поперхнулся воздухом, не зная, что ответить — воспитанник ловко побил его собственными же наставлениями. Поняв, что спорить бесполезно, он лишь молча вздохнул, откупорил флакон с прохладным снадобьем и принялся аккуратно обрабатывать пострадавшую руку.

— Учитель... — позвал Цзибай.

—.....

Сун Цимин промолчал, сосредоточенно втирая мазь.

Мальчик не заметил перемены в настроении наставника. Он неловко кашлянул, устремив пристальный взгляд на сосредоточенное лицо мужчины, и спросил как можно небрежнее:

— Скажите... а молодая госпожа Чэн Инь вам понравилась?

<http://bllate.org/book/20145/2166973>